

ДОРОГА ДОРОГАЯ

1

Цветет зима выюгами да морозами.

По пригорку, по сверкающему снежному полю разбежались ели да сосенки — светло-зеленые, темно-зеленые, просто зеленые, седые с морозом, сизые, сизые с дымом.

Звенит топор лесоруба.

Ничком и навзничь, переплетая ветвями, в полном беспорядке, точно на поле битвы, лежат порубанные сосны.

Туши уже освобожденных от сучьев медноствольных сосен с яру — по ледяному желобу — устремляются на берег Волги, где их ловят баграми сплотовщики и вяжут в чельню.

Бездыханна лежит Волга, во льды закована, снегами повита.

Но вот отшумели мартовские выюги.

Зима сдает.

День ото дня — острее солнце, светлее облака, звончее и неистовей дробь дятла, на припеке горячей земля и все узывнее, печальней даль дымящихся полей.

У обнажившихся берегов все ширятся и ширятся, играя свинцовой рябью, загорини.

На берегу, в каше грязного размякшего снега, с утра до ночи толкуются люди бригады Степана Ильича Ведерникова, торопясь закончить вязку плотов до наступления половодья.

Апрель... Снега дроннули, поплыли, зашумели мутные потоки...

Из всех щелей — весны соченье.

Сине дымятся поля, по деревьям задорно горланят петухи, и — зиме вдогонку — солнце мечет блещущие копыя.

2

Ночь темным-темнешенька!

Ночь полна хлопающих шорохов и шепотов.

Ночью, по какому-то древнему закону природы, ночью Волга тронулась...

Вода начала прибывать.

На берегу — оживление. На мостках бабы с высоко поддернутыми подолами колотят вальками белье. Шумная детвора скачет босоплясом с проталинки на проталинку, Гусак и гусыня, благонамеренно и несколько благосклонно озирая цветущий и прекрасный мир, выводят на первую воду свой шумный выводок: это ли не олицетворение нищенского семейного благополучия...

По берегу стелется дым костров, возбужденный говор, смрад кипящей смолы.

Неустанно звенят топоры, сочно чавкают деревянные колотушки, загоняя меж бревен последние клинья.

Бригадир Ведерников отирает вспотевшее лицо бараньей шапкой и густо запеваает:

Вот у нашего бурлака...

Бригада подхватывает:

Э-э, дубинушка, ухнем...

По-весеннему задорны голоса.

Скрипит деревянное колесо ворота; разбрызливая светлые брызги, натягивается и дрожит канат.

Готовые кошмы плотов одна за другой всплывают и отводятся на глубокую воду.

3

По раздолью волжскому плывет весна.

Ведут пристрелку первые грозы, порываются первые майские громы, первыми теплыми дождями умываются поля и леса.

Весна...

Шумит, несет грозная вода, тащит деревья, и дрязг, и копыны прошлогоднего сена, затопляет еще не обсохшие берега, треплет зеленющие ветви прибрежных кустов.

Весна...

Станицы журавлей, курлыкая, тянутся на север.

Над плотом кружат чайки.

Навстречу плывут темные леса, ярко зеленеющие берега, бакана, землянки нефталанников, караваны нефталанниковых барж, закопченные кирпичные корпуса фабрик, полузатопленные черные деревянные и кое-где уцелевшие купола старинных церквей — иные из них были свидетелями набега орды Батая, — шумные таборы галок толкуются над потускневшими от времени церковными крестами.

Весна...

Вода, играючи, уже обтекает прибрежную деревеньку — древние цзбы в страхе пятятся на пригорок, а иные стоят по пояс в реке, точно собираясь плыть.

С крутояра, затрепетав последней смертной дрожью, медленно валится и, ухнув, погружает в мутные воды седую главу свою тысячелетний дуб. С крутояра сыплются комья глины, камни, рвутся последние артерии корней. Подхваченный быстрым течением богатырь безвольно стремится вниз по реке. И долго будет крутить его на водоворотах, хлестать волною на перенатах, гнестись ветром; чайка будет присаживаться на его мертвые ветви отдохнуть, пометать; наконец исполина прижмет к берегу; потом вода спадет, придут мужики с топорами и пилами и рассекнут его на дрова.

Весна...

С черемух и диких яблонь осыпается цвет.

В убогой лодчонке, точно персонажи пушкинской сказки, сплывают старух со старухой. Старуха — суровое и еще цветущее красотою лицо — сидит в распашных веслах, а старух выбирает сеть и часто — мелким говорком — приговаривает:

— Хоть и маленька, а есть... Хоть говененька, а наша...

В сетке трепещутся де-

сятка два запутавшихся в мелкой ячее голавлей и щурят.

Над плотом кружат чайки.

От очага тянет смолистым сдобным дымком и пригорелой нашей. Артельная кухарка Клавдейка — тугоносая, босая девка с засаленными грудями — размашисто бьет железною в кусок подвешенного на проволоку рельса и кричит на всю Волгу:

— Эй-ча... Охломоты... Ужинать ча...

К очагу со всего плота, кроме вахтенных, сходятся плотовщики и рассаживаются за артельный, наспех сколоченный из нестроганных досок стол.

Вихрастый Серега козырем проходит мимо кухарки раз и другой, заигрывает с ней и, потешаясь над ее сибирским выговором, сыпет скороговоркой:

Милка чо, да милка ча, Милка, чакаешь по ча? Я не ча да я не чо, Ежли чакну, ну так чо?..

— Хороша девка, — вслух высказывает свои соображения Серега, — и широка она и глубока, как Волга...

— Ох, парень, — отзывается кривой старик Семен Иваныч, сверкая из-под косматой брови бельмом, точно двугривенным, — не хвали день с утра, а бабу с вечера...

Клавдейка накладывает в деревянную писаную чашку каши и, подавая парню, с приторным неудовольствием шипит:

— Отчепись, отор.

— Угадай, — хохочет Серега и шлепает ее по широкой спине, — угадай, чего девке снится ча?

Она бьет его по рукам ложкой и — похорошевшая, раздумываясь — убегает к очагу.

Остальные плотовщики ужинают молча, внимая

гневному говору далекого грома.

4

Волга, Волга...

Синие просторы, ветер, перекаты, разлив вечерних и предупренных зорь, дыммы рыбацких костров да песен немолчный плеск...

С верховьев Волги и Камы, с далекой Вятки и тигрой Светлуги, с угрюмого Керженца, Унжи и Чусовой, с зеленых просторов Оки и с дремучей Суры — бегут плоты.

Горячий денек, спелое солнце.

Мир и тишина в прибрежных лесах.

Безгневны и светлы речи птиц.

Над плотом кружат чайки. Вылинявшие на солнце цветные рубашки пузырями вздуваются на могучих торсах плотовщиков, по водной глади далеко несется стонущий напев «Дубинушки», каленый мат да зычный покрик лодмана:

— Э-ге-ге-е... Выбирай правый лот.

В голове плота, у тяжело ворота, неспешно похаживают два десятка плотовщиков.

Под их железными руками жалобно скрипит дерево. Из воды, подобна удаву, ползет толстая шейма.

Клевщик Серега стоит наготове. Он бос, без шапки, воротник гимнастерки растегнут — во всей его фигуре уаль и гордое сознание своей силы и пышущей молодости.

Под солнцем жирно лоснятся туши бревен. Широкая лопасть отпорной плюхи бугрит воду.

Простор просит песни, чутунного гоготу, громкого голоса.

По гулянке (вышке) похаживает седобородый, богатырского вида лодман и покрикивает:

— Э-ге-ге-ге-е... Замо-раживай.

Лот выбран. Серега с одного удара загоняет в кольцо шеймы железную занозу. Плот, заноса левое плечо, лихо огибает песчаную от-

мель, затем, выбравшись на стремя реки, выравнивается и ходко сплывает к синему вдали Жигулям.

Жара мало-помалу сваливает, вечерняя прохлада смекает палатий зной.

По берегам густеют тени. За синим шетинистым хребтом Жигулей медленно затухает зарево жаркой зари, переливаясь всеми красками, которые когда-либо были на палитрах художников всего мира.

Волга затихает.

Навстречу пробегают рядный пароход, сверкая первыми огнями. Волна заплескивает на плот, на крайних чельнях ходунум ходят бревна маломерки.

Скоро пароход, укнув, скрывается за дальним мысом, эхо парового гудка катится по волжскому простору и замирает где-то далеко-далеко в нагорной стороне.

На плоту начинается веселье.

Пликает саратовская двухрядка, около одной из казенок разгорается пляска.

Молодые, сильные, напоенные ветрами голоса горланят частушки, которые я и записываю, пристроившись у огонька.

Ныне ранняя весна, Реки разливаются. Комсомолка поцелует — Сердце разрывается.

Мы с колхозницей Марусей Не сошлись характером: За Марусей я гонюся, А она за трактором.

Записываю частушки час, два, пальцы деревенеют, глаза слипаются.

— Спать, ребятишки, спать, — кричит лодман. — Завтра подыму чем свет, Самара...

Гармонь и песни смолкают.

Через несколько минут могучий храп потрясает казенку.

Небо расписано звездами. Из предзвездного тумана вдали вырисовываются контуры большого города, дымящего заводскими трубами.

Арте́м ВЕСЕЛЫЙ.